

D. PAŚKO-KONECZNIK. Słownik zapożyczeń polskich w rosyjskiej gwarze staroobrzędowców z regionu suwalsko-awgustowskiego. Toruń, 2016.

Д. ПАСЬКО-КОНЭЧНЯК. Словарь польских заимствований в русском говоре старообрядцев Сувальско-Августовского региона

DOI: 10.31857/S0869544X0001771-1

Рецензируемая книга Дороты Пасько-Конэчник является результатом многолетних исследований островного говора старообрядцев, проживающих в Августовском, Сувальском и Сейненском повятах Подляского воеводства Польши. В течение 1999–2015 гг. Д. Пасько-Конэчник участвовала в диалектологических экспедициях, организованных Университетом Н. Коперника (г. Торунь), в результате которых было записано около 350 часов аудиозаписей [1. С. 12]. В 2011 г. была опубликована монография Пасько-Конэчник «Влияние польского языка на лексику русского говора старообрядцев в Сувальском регионе» [2], на основе которой возник рецензируемый словарь [1. С. 13].

Говор старообрядцев, проживающих в Польше, не раз становился предметом исследований польских ученых. Предки старообрядцев начали переселяться в Польшу еще в конце XVII в., однако массовый характер это явление приняло в начале XVIII в. [3; 4. С. 37]. Согласно исследованиям И. Грек-Пабисовой, основным материнским ареалом переселенцев была область около Великих Лук, поскольку в говоре польских старообрядцев черты, характерные для северо-западных акающих русских диалектов, сочетаются с элементами южнорусского наречия [5. С. 165–172]. Отметим, что Н. Морозова и В. Чекмонас, исследовавшие говор старообрядцев Литвы, чьи

основные характеристики совпадают с говором польских старообрядцев, в качестве материнского ареала указывают территорию южной части современной Псковской области и центральной части псковского диалекта к югу от линии Опочка – Новоржев, несколько к северу от Великих Лук и Торопца [6. С. 68].

В 1829 г. старообрядцы получили разрешение селиться на территории Восточной Пруссии в области Мазурских озер (современные Пишский и Мронговский повята Варминьско-Мазурского воеводства). В конце XIX – начале XX в. они подверглись германизации, поэтому в их говоре присутствуют следы не только польского, но и немецкого влияния. Состояние говора во всех трех регионах 1950–1960 гг. нашло отражение в вышеупомянутой монографии И. Грек-Пабисовой. Словарь этого говора вышел в 1980 г. [7].

Последняя треть XX и начало XXI в. внесли большие изменения в жизнь старообрядцев. Уменьшение их численности, изменение традиционного уклада жизни привело к окончательному открытию общин в Сувальском, Сейненском и Августовском районах, что не могло не отразиться на социолингвистической ситуации. Стремление показать, насколько сильным является влияние польского языка на лексику говора, привело к созданию рецензируемого словаря [1. С. 12].

Названные причины объясняют уникальный тип словаря, жанр которого можно охарактеризовать как диалектный словарь с чертами словаря иностранных слов. В Мазурском регионе на постоянной основе живет только несколько десятков человек, остальные мигрировали в Германию. По-видимому, по этой причине Д. Пасько-Конэчняк исключила старообрядцев Мазуричины из исследования.

Словарь содержит 2284 слова, из них 147 единиц — акцентуационные, словообразовательные и фонетические варианты, расположенные в алфавитном порядке. Для записи используется упрощенная фонетическая транскрипция, отражающая аканье, яканье (иканье), место ударения, твердость/мягкость согласных. Мягкие согласные, парные твердым [n], [s], [z], [t], [d], обозначаются как [ń], [ś], [ź], [ć], [ɸ], поскольку «почти все информанты произносят их обычно близко к соответствующим польским согласным» [1. S. 15], например *razinnyj dom* «родной дом» (перевод в этом и последующих примерах на русский язык наш) (польск. *dom rodzinny*) [1. S. 109]. В словарных статьях [I] и [I'] принимаются за функционально идентичные, однако в примерах разница указывается.

Слово в заголовке дается в начальной форме. В случае если начальная форма не была зафиксирована в примерах, она реконструируется на основании имеющихся форм и помечается звездочкой, указываются все возможные места ударения, например, *dal'eg'a'ć** «болеть, беспокоить» (польск. *dolegać*) [1. S. 40]. При глаголах стоит помета *inf* — инфинитив, указывается вид. Пометами *adj*, *adv*, *con*, *part*, *pron* снабжены, соответственно, прилагательные (и причастия), наречия, союзы, частицы, местоимения. Интересным решением представляется оформление некоторых форм сравнительной степени в качестве отдельных словарных статей, например, *ček'afšuj* «более интересный» (польск. *ciekawszy*) наряду с *ček'auuj* «интересный» (польск. *ciekawy*) [1. S. 37–38]. Такое выделение вызвано, по всей видимости, желанием

показать степень влияния польского языка, при которой заимствуются не только отдельные лексемы, но и словоформы.

Для существительных указывается род, для существительных *singularia* и *pluralia tantum* даются соответствующие пометы. Далее следует польское слово, к которому, по мнению автора, восходит заимствование. В случае, если лексема была отмечена в «Словаре говора старообрядцев, проживающих в Польше» [7], стоит помета SGS, после чего указывается место фиксации и другие характеристики из словаря 1980-го года. Большинство словарных статей содержит примеры, иллюстрирующие употребление слова. Для каждого примера описываются локализация (Сувальско-Сейненский регион или Августовский) и поколение, к которому относился информатор в момент записи (поколение I — старше 56 лет, поколение II — от 31 до 55 лет, поколение III — от 15 до 30 лет, поколение III_d — дети до 15 лет).

Хотелось бы отметить особую ценность примеров, поскольку они иллюстрируют, каким причудливым образом в говоре старообрядцев Августовского и Сувальско-Сейненского регионов сочетаются архаические диалектные черты с влиянием польского языка: *ja ź'elaju na al"ivu fso, padm'azuvaui al"ivaj* букв. «я делаю на оливы все, все подмазываю оливой (я все делаю на растительном масле, все смазываю растительным маслом)» [1. S. 25] — окончание существительных женского рода в предложном падеже совпадает с окончанием родительного падежа), *j'eta atškadav'anije št'oby jan'y nam plać'il'i* букв. «ето отшкодование чтобы яны нам платили» (это чтобы они платили нам компенсацию) [1. S. 29] — местоимения *ето* и *яны* и т.п.

Для реализации своей цели — показать степень влияния польского языка на говор — автору потребовалось решить сложные теоретические задачи. По понятным причинам их описание не вошло в словарь, однако они содержатся в цитируемой во вступлении монографии Д. Пасько-Конэчняк [2] и в ее статье «Концепция

“Словаря польских заимствований в русском говоре старообрядцев Сувальско-Августовского региона”» [8].

Первая задача состояла в определении заимствования. В словаре цитируется следующее определение заимствования из упоминавшейся монографии: «для того, чтобы лексическая единица польского языка считалась заимствованием, она должна выполнять хотя бы одно из нижеперечисленных условий, а именно: а) польская лексема подвергается акцентуационной ассимиляции (утрачивая или сохраняя фиксированное ударение на втором слоге от конца в отдельных формах); б) польская лексема подвергается фонетической ассимиляции, т.е. происходит изменение артикуляции гласных и/или согласных; в) польская лексема подвергается словообразовательной ассимиляции; г) польская лексема подвергается морфологической ассимиляции, ее словоизменение подчиняется диалектным парадигмам» [2. S. 12].

В монографии уточняется, что заимствование — это «слово, заимствованное из польского лексикона, первоначально неизвестное русскому говору (и на более широком русском диалектном пространстве) и в различной степени ассимилированное говором фонетически и формально с сохранением аналогичной семантики языка-донора» [2. S. 84]. Отдельно рассматриваются изменение кода и языковые польские вставки (цитирование, изменение кода, перспектива изменения кода, пояснение, языковая вставка), кальки, полукальки и гибриды.

Неизменяемые слова, не несущие следов ассимиляции, например союзы *ale* (в самом словаре союз *ale* отсутствует, хотя указан в монографии [2. S. 133]) «но» и *bo* «потому что», причисляются к заимствованиям, поскольку не имеют русских эквивалентов в речи даже представителей старшего поколения [2. S. 56–57]. Введение дополнительных критериев (наличие/отсутствие русского эквивалента, встречается/не встречается в речи старшего поколения) объясняется тем, что автору необходимо отделить неассимилированные вставки из польского языка, которые употребляются *ad hoc* (особенно

часто молодежью), от регулярных давних заимствований, систематически встречающихся в речи большей части носителей говора.

Предлагаемое решение все же нуждается в дополнении, поскольку, к примеру, наши полевые исследования [9] показывают, что представители старшего и среднего поколений наряду с полонизмами *але* и *бо* употребляют русские эквиваленты — *но* и *потому что*. Все члены общины владеют польским языком (для представителей старшего поколения, как правило, роль основного средства общения выполняет говор, а для младшего — польский язык). В ситуации, когда информант не может вспомнить или не знает слова из говора, он «русифицирует» соответствующую польскую лексему. Поскольку довольно часто такая «русификация» производится *ad hoc*, возникает вопрос, можно ли считать такие слова заимствованиями наряду с полонизмами, регулярно употребляемыми большим числом носителей говора. Введение принципа регулярности может решить эту проблему, а также отсеять экзотизмы типа *smurf* «смурф, персонаж из комикса и мультфильма» (польс. *smurf, postać z bajki*) [1. S. 121].

Как упоминалось ранее, в монографии отдельно от заимствований рассматривается «пояснение», когда говорящий использует русифицированное или нерусифицированное польское слово/выражение для объяснения русского слова [2. S. 56, 62–65]. В словаре встречаются интересные примеры, подходящие под описание этого явления: *uż'e zn'am'a ɣasp'odniego už'e v nas ñet, vy ñe sklad'ajeće zn'am'a ɣasp'odniego, i kak kr'ěśćićeś zn'ačyd žegn'ajećeś, fp'er'ot na l'evuju, a pat'om na pr'avuju, naabar'ot букв.* «уже зная господнего уже в нас нет, вы не складаете зная господнего, и как креститесь, значит жегнаетесь, вперед на левую, а потом на правую, наоборот» (уже крестного знамения у нас нет, вы не складываете в крестное знамение, и когда креститесь, значит креститесь по-польски, сначала на левое плечо, потом на правое, наоборот) в словарной статье *žegn'acca* «крестить-

ся» (польск. *zegnać się*) [1. S. 164]. Говорящий использует русифицированное польское слово для того, чтобы как можно понятнее объяснить отличие старообрядческого крестного знамения от католического интервьюера — иноверцу и носителю польского языка.

Вторая важная задача, требовавшая решения при составлении словаря, касается периода, к которому относятся заимствования. Для того, чтобы реализовать свою цель, — показать влияние польского языка на исследуемый говор, автор ограничился периодом после переселения: заимствование — это слово, «неизвестное первоначально русскому говору (и на более широком русском диалектном пространстве)» [2. S. 54]. В статье об авторской концепции словаря исследуемый период сужается еще больше: «в словаре, прежде всего, будут отражены новые заимствованные слова, которые не функционировали в говоре во время исследования, проводившегося И. Грек-Пабисовой, и появились в результате историческо-цивилизационных и культурных изменений в течение последних нескольких десятилетий» [8. S. 199].

В результате работы над словарем автору удалось объединить эти два подхода: слова, зафиксированные в «Словаре говора старообрядцев, проживающих в Польше» И. Грек-Пабисовой и И. Марыняковой [7], отмечены пометой SGS. Слова без этой пометы относятся к недавним заимствованиям. Такое удачное решение позволило наглядно показать, какое большое количество заимствований относится к концу XX — началу XXI в. и к каким областям они относятся. Для реализации этого решения автору пришлось выполнить огромный объем работы, связанной со сверкой лексики из собственных полевых записей со словарем И. Грек-Пабисовой и И. Марыняковой (более 7000 слов). По-видимому, техническими ошибками объясняется отсутствие пометы SGS при словах *svat* «сват» (польск. *swat*), *l'apka* «лапка» (польск. *lapka*, *psia łapa*)

и *daglad'ać* «присматривать, ухаживать» (польск. *doglądać*, *dopilnowywać*) [1. S. 39, 71, 129], хотя они присутствуют в словаре предшественников [7. S. 55, 140, 287].

Третья задача состояла в определении того, что является полонизмом, а что нет. В самом словаре автор указывает, что при верификации заимствований из польского языка в говор старообрядцев были использованы следующие словари: Белорусско-русский словарь (под ред. К.К. Крапивы, М., 1962), Толковый словарь живого великорусского языка В.И. Даля (т. 1–4), Псковский областной словарь (выпуски 1–24) и Словарь русских народных говоров (вып. 1–44). Такой выбор логичен. Если заимствования ограничиваются периодом после переселения, а материнский ареал известен (псковские говоры), то для определения полонизмов, вошедших в говор позднее, следует исключить слова, зафиксированные в ПОС. Сравнение с СРНГ и словарем Даля призвано отсеять лексику, известную на более широком русском диалектном пространстве. Сопоставление с лексикой Белорусско-русского словаря можно объяснить тем, что в процессе переселения, как показывают исследования [4. S. 117–124, 183–206], говор испытал на себе влияние белорусского языка.

По-видимому, недосмотром объясняется включение слов, которые содержатся в вышеупомянутых словарях, например, *aś* «аж» (польск. *aż*) [1. S. 27] в ПОС [10. С. 52], *al'iva* «растительное масло» (польск. *olej*) [1. S. 25] в ПОС [11. С. 194], СРНГ [12. С. 188], Даль [13. С. 693], *als'yna* «ольха» (польск. *olszyna*, *olcha*) [1. S. 25] в ПОС [11. С. 201], СРНГ [1. С. 193], Даль [13. С. 694], *bezżetnyj* (для *bez'etnyj* логичнее предположить изменение произношения мягкого *d* в *ʃ* под влиянием польского языка, которое происходит повсеместно, нежели происхождение от польск. *bezdzienny*. Об этом свидетельствует и форма *бездетный*, зафиксированная во время наших полевых исследований). «Бездетный» (польск. *bezdzienny*) [1. S. 30] в ПОС [10. С. 151], *l'apka* «лапка» (польск. *lapka*,

psia lapa) [1. S. 71] в ПОС [14. С. 492, 498], Даль [13. С. 240], *nakačev'acca* «накочеваться» (польск. *nakoczować się*) [1. S. 78], образованное по продуктивной словообразовательной модели от *кочевать* в СРНГ [15. С. 123], Даль [13. С. 182], *p'ervar'odnyj syn* «первородный сын» (польск. *syn pierworodny*) [1. S. 99] в Даль [16. С. 29], *pr'icep'acca* «прицепиться» (польск. *przyczepić się*) [1. S. 104] в Даль [16. С. 475], *svat* «сват» (польск. *swat*) [1. S. 129] в СРНГ [17. С. 216], Даль [1. С.: 148], *vr'ednyj* «вредный» (польск. *wredny*) [1. S. 147] в ПОС [18. С. 39], *vyt'far'ac* «вытворять» (польск. *wytwarzać, wyczyniać*) [1. S. 150] в ПОС [19. С. 78] и т.д. (всего около 50 слов). Часть из этих слов относится к общеславянскому наследию, например *сват*: «сват, род. п. -а, укр., блр. сват, др.-русс. сватъ, болг. сват, сербохорв. свѣт, словен. svāt, чеш., слов. svat, польск., в.-луж. swat, полаб. swat. Наряду с этим — праслав. *svātī в русск. свѣтъ, болг. свѣтъ, сербохорв. свѣта, аналогично гостѣ: гость. Это слово связано с местоим. основой *svo-, *sve-. Ср. лит. svēčias, svētis «гость» (собственно «чужак, сам по себе»), греч. ἑτης, эл. ἑτης м. «родич, друг», ἑταρος, позднее ἑταῖρος, «товарищ, спутник», гот. swēs «собственный», др.-инд. svās «свой», русск. свой (см.) и др. Ср. свой человек, свойка; см. Сольмсен, KZ 35, 483; Unters. gr. Lautl. 206 и сл.; Френкель, IF 50, 17; Мейе, ét. 302; Мейе-Эрну 1115; Шпехт, KZ 68, 46; Шрадер, IF 17, 23; В. Шульце, KZ 40, 417; Брюкнер, «Slavia», 5, стр. 435. Принимая во внимание др.-чеш. svatvie «connubiatrice», stará svatví «pronuba», Махек (ZfslPh 18, 320 и сл.) принимает исходную основу на -и. Его сравнение с авест. хуаētи- «принадлежащий к семье, родне» затруднительно фонетически. Лит. svōtas «сват» заимств. из слав., как и лтш. svāts; см. М.-Э. 3, 1145; Брюкнер, FW 186 (вопреки Торпу (543), это не исконное родство). Ср. также посетить» [20. С. 570].

Некоторые лексемы заимствованы из церковнославянского (например *первородный сын*) и других языков (например *накочеваться*): «кочевать, кочую, др.-русс. кочевати, Сказ. Мам. поб. II (Шамбинаго, ПМ 4), кочевой, кочёвье, укр. кочувати, польск. koczować. За-

имств. из тюрк.: ср. уйг., чагат. köč «поездка, путешествие, переселение», кирг., уйг., чагат., тел., алт., леб., тар., караим. köčmäk «кочевать» (см. Радлов 2, 1286 и сл.); см. Mi. EW 122; TEL. 1, 300; Мацен-науэр, LF 8, 191 и сл.; Бернекер 1, 537; Миккола, WuS 6, 144» [21. С. 357].

При составлении словаря автор также должен был решить, следует ли включать в словарь лексемы, заимствованные в говоре из других языков при польском посредничестве. Выбранное решение — включать такие слова — несомненно обогащает словарь, поскольку невозможно представить современный говор польских старообрядцев без таких слов как, например, *plac* «площадь, участок» (польск. *plac*) [1. S. 100] из немецкого *Platz*. Задача определения путей заимствований является крайне непростой, поскольку говор стал островным только в 1945 г. [22. С. 204–205]. В XIX в. и в начале XX в. эта территория была частью Российской империи (в Сувалках располагался 10-тысячный гарнизон царской армии), поэтому заимствования могли прийти из общерусского языка. Кроме того, во второй половине XX в. в деревне Габове-Гронды долгое время действовала школа, где со второго класса преподавался русский литературный язык, а после падения «железного занавеса» активизировались контакты польских старообрядцев с русскоязычным населением стран Балтии (прежде всего, старообрядцами Латвии) и России. Благодаря спутниковому телевидению доступны и пользуются популярностью российские каналы. В некоторых случаях польское посредничество очевидно, однако есть слова, совпадающие в русском и польском языках, например *b'izut'er'ija* «бижутерия» (польск. *biżuteria*), *bras'urka* «брошюрка» (польск. *broszurka, broszura*), *masażystka* «массажистка» (польск. *masażystka*) [1. S. 30, 32, 70] и т.д.

В словарь также вошли имена собственные, например название сети магазинов *bedronka* «Бедронка» (польск. *Biedronka*) и марка мотоцикла *Java* «Ява» (польск. *Java*) [1. S. 30, 32, 70]. Отметим, что, проживая в Польше, старообрядцы

ежедневно сталкиваются с множеством наименований, заимствованных из и через польский язык. Потенциально список таких слов бесконечен.

Трудно переоценить значение рецензируемого словаря для исследования говора старообрядцев, проживающих в Польше, а также шире — для исследований островных диалектов. Словарь наглядно показывает, в каких сферах интенсивнее всего происходит процесс заимствования в последние десятилетия — администрация, профессии, медицина, предметы быта, продукты питания. Наиболее закрытой группой являются наименования родственников и религиозная сфера, хотя заимствования проникают и туда: *synav'a/ synav'aja/ syn'ova/ syn'ovaja* «невестка» (польс. *synowa*) (через дробь в словарной статье указываются варианты) [1. S. 129], *sp'av'eć/ sp'ov'eć* «исповедь» (польс. *spowiedź*) [1. S. 123]. Д. Пасько-Конэчняк справедливо пишет о том, что появление заимствований в религиозной сфере у старообрядцев свидетельствует об огромном влиянии польского языка на говор [2. S. 100–101].

Ценный материал для исследователей представляют примеры различной адаптации слов: акцентуационной, фонетической, деривационной и морфологической. Акцентуационные варианты показывают, что наряду с ассимилированным говором словами в некоторых лексемах сохраняется характерное для польского языка ударение на втором слоге от конца: *synav'a/ synav'aja/ syn'ova/ syn'ovaja* «невестка» (польс. *synowa*) [1. S. 129]. Примечательно, что по-прежнему действуют акцентуационные правила, связанные с ударными и безударными морфемами, например приставка *вы-* в глаголах совершенного вида чаще всего является ударной, хотя словарь фиксирует и некоторое количество отступлений. Например, лексема *v'utlum'ačyć* «объяснить» (польс. *wytłumaczyć*) [1. S. 150] чаще произносится с ударным *вы-*: *v'utlumačy m'ie, sto j'eta jeść kac'ap* «вытлумачи мне, что это есть кацап» (объясни мне, что это такое кацап). Иногда, однако, ассимиляция не происходит и сохраняется польское ударение на втором слоге от конца: *t'olka ja nie tok vat vutlum'ačyć* «только я не мог вам вытлумачить» (только я не мог вам объяснить).

Фонетическая адаптация чаще всего выражается в акании и смягчении согласных перед *е* и *и*, хотя встречаются и исключения из этого правила: *abaj'en'nie / oboj'entna* «все равно» (польс. *obojętnie*) [1. S. 21], *p'evna* «наверняка» (польс. *prawno, pewnie*) [1. S. 98], *pe'nolet'etnij* «совершеннолетних» (польс. *pe'noletni*) [1. S. 98].

Особый интерес представляют случаи «пересчета», когда при заимствовании носители говора изменяют польскую лексему по аналогии с регулярными соответствиями между словами русского и польского языков. Наряду с «пересчитанными» вариантами функционируют и менее ассимилированные варианты. Например, *q* может изменяться в *у* (ср. *dqb* «дуб») или произноситься как *он* (перед зубными как *ом*): *Pončycca / Pučycca* «соединяться» (польс. *łączyć się*) [1. S. 72]. Часто «пересчитываются» сочетания *przy-* и *prze-*: *p'er'es/pr'es* «через» (польс. *przez*), *p'er'ešk'azywać/p'sešk'az'ać* «мешать» (польс. *przeszkadzać*), *p'er'etlum'ačyć/pr'etlum'ačyć* «перевести» (польс. *przetłumaczyć*) [1. S. 99], *pr'ibud'ufka/pr'ibud'ofka / p'sybud'ufka* «пристройка» (польс. *przybudówka*) [1. S. 104].

В некоторых случаях заимствуется не слово, а значение, например, *atkr'uć'ic* «открыть (кран)» (польс. *otkręcić (wodę, kran)*): *atkr'ućim vad'u i pam'ojem kart'ošku* букв. «открутим воду и помоем картошку» (откроем кран с водой и помоем картошку) [1. S. 28].

В заключение хотелось бы отметить, что рецензируемый «Словарь польских заимствований в русском говоре старообрядцев Сувальско-Августовского региона» является важным источником информации о современном состоянии говора старообрядцев и наглядно представляет те изменения, которые в нем происходят. Словарь теоретически обоснован с учетом последних дискуссий в этой области. Удачно подобранные примеры дают представление не только о фонетике, лексике, морфологии и отчасти синтаксисе исследуемого диалекта, но и о повседневной жизни общины старообрядцев, проживающих в Сувальско-Августовском регионе Польши.

© 2018 г. Т.С. Ганенкова

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. *Paško-Koneczniak D.* Słownik zapożyczeń polskich w rosyjskiej gwarze staroobrzędowców z regionu suwalsko-augustowskiego. Toruń, 2016.
2. *Paško-Koneczniak D.* Wpływ polszczyzny na zasób leksykalny rosyjskiej gwary staroobrzędowców na Suwalszczyźnie. Toruń, 2011.
3. *Iwaniec E.* Z dziejów staroobrzędowców na ziemiach polskich XVII–XX w. Warszawa, 1977.
4. *Grek-Pabisowa I.* Staroobrzędowcy. Szkice z historii, języka, obyczajów. Warszawa, 1999.
5. *Grek-Pabisowa I.* Rosyjska gwara starowierców w województwach olsztyńskim i białostockim. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk, 1968.
6. *Морозова Н., Чекмонас В.* Говоры старообрядцев Литвы: особенности и проблемы происхождения // Фольклор старообрядцев Литвы: тексты и исследования. Вильнюс, 2007. Т. I.
7. *Grek-Pabisowa I., Maryniakowa I.* Słownik gwary starowierców mieszkających w Polsce. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1980.
8. *Ганенкова Т.С.* Полевое исследование старообрядцев в Польше // Славяноведение. 2018. № 2.
9. *Paško-Koneczniak D.* Koncepcja «Słownika zapożyczeń polskich w rosyjskiej gwarze staroobrzędowców z regionu suwalsko-augustowskiego» // Słowiańskie słowniki gwarowe — tradycja i nowa-torstwo / Red. D.K. Rembieszewska. Warszawa; Łomża, 2016.
10. Псковский областной словарь с историческими данными. Ленинград/СПб., 1967. Т. 1.
11. Псковский областной словарь с историческими данными. Ленинград/СПб., 2012. Т. 23.
12. Словарь русских народных говоров. Ленинград/СПб., 1987. Т. 23.
13. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1880. Т. 2.
14. Псковский областной словарь с историческими данными. Ленинград/СПб., 2004. Т. 16.
15. Словарь русских народных говоров. Ленинград/СПб., 1979. Т. 15.
16. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1882. Т. 4.
17. Словарь русских народных говоров. Ленинград/СПб., 2002. Т. 36.
18. Псковский областной словарь с историческими данными. СПб., 1983. Т. 5.
19. Псковский областной словарь с историческими данными. Ленинград/СПб., 1984. Т. 6.
20. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. М., 1987. Т. 3.
21. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. М., 1986. Т. 2.
22. *Гжибовский Ст., Глушковский М.* Социолингвистическая ситуация старообрядцев в деревнях Габове Гронды и Бур // Русские старообрядцы: язык, культура, история. Сб. статей к XIV Международному съезду славистов / Отв. ред. Л.Л. Касаткин. М., 2008.

Статья написана при поддержке гранта РНФ 16-18-02080 «Русский язык как основа сохранения идентичности старообрядцев Центральной и Юго-Восточной Европы».